

Только два или три человека могли пройти через узкий переулок на съемочной площадке. Там А толкнул А Ра вперед, сказав ей, чтобы она бежала одна, так как он уже был ранен ножом в низ живота во время первой драки, поэтому продолжать бежать было невозможно. Он знал, что, если так будет продолжаться, их рано или поздно поймут. Вместо того чтобы сказать, что он собирался пожертвовать собой, правильнее было бы сказать, что он чувствовал, что раз уж они так далеко забрались, то если бы ни один из них не выжил, они бы умерли напрасно.

— Зачем ты это делаешь? — спросила А Ра.

Существуют персонажи, которые всегда доставляют неудобства подобными вопросами, даже когда они находятся в самом разгаре побега. Возможно, это раздражало зрителей, но таким образом нужно было раскрыть текущее психологическое состояние персонажа, чего не могло передать одно лишь выражение лица. Это была неизбежная сцена, поскольку с ее помощью рассказывалась история.

— Потому что ты должна жить, — ответил А.

— Почему?

— Черт возьми, зачем ты лезешь с расспросами, хотя уже знаешь ответ?!

А не смог дать А Ра ответ, которого она хотела. Вместо этого он схватил своими окровавленными руками затылок Ары и крепко поцеловал ее. Это была их третья сцена поцелуя. Из-за неожиданной химии между А и А Ра это привело к третьей сцене их поцелуев, количество которых постепенно увеличивалось. В результате роль А превратилась из статиста, ростовщика, ничтожества, во второстепенного героя или, возможно, второго мужского главного героя.

Хотя называть его вторым мужским главным героем не совсем точно с точки зрения общего экранного времени, но режиссер Мун утверждал, что самое важное - это содержание, а не экранное время.

— Я не знаю, действительно ли ты совершила убийство или нет, но сегодня...! Ты убила меня. Я умер из-за тебя, а это значит, что ты убила меня. Поэтому, ты не попадешь в рай. Нет такогорая, который принял бы убийцу, так что давай встретимся в аду.

Глядя на потрясенное лицо и заплаканные глаза А Ра, А нежно улыбнулся ей своими глазами. Не было более сладкого прощания, чем это.

Надеясь, что она сломается и будет страдать до конца своих дней, А продолжал издеваться над ней.

— Ни в коем случае не думай, что сможешь успокоиться тем, что тебе не придется видеть мое

лицо до самой смерти. Я стану злым духом и останусь рядом с тобой. Я буду встречаться с тобой каждую ночь в твоих кошмарах, и как бы ты ни старалась, ты не сможешь от меня отделаться. Только не говори мне, что ты думала, что мы здесь расстанемся?

А томно улыбнулся, нежно вытирая слезы под глазами Ары своим окровавленным большим пальцем. Слезы покатались по щекам А Ра, когда она сделала пару шагов назад от А, который мог умереть счастливым, лишь представив себе это.

— До самого конца, я...

— Я всегда буду с тобой. Если ты не хочешь отправиться в ад вместе со мной сегодня, тебе придется поторопиться.

Они услышали шаги, доносившиеся с другой стороны переулка. А Ра наконец-то пришла в себя. Она прикусила нижнюю губу и посмотрела на А, прежде чем сделать шаг назад. Один шаг. Два шага. В конце концов, его бывшие подчиненные подошли к А со спины, пока тот смотрел, как А Ра развернулась и убежала.

— Эта девушка даже ни разу не оглянулась, хах. Сурово, — тихий шепот А пронесся по узкому переулку в прохладной вечерней ночи.

— Давайте побыстрее с этим закончим, — впервые за сегодняшний день на лице А появилась светлая улыбка, когда он поманил к себе дюжину подчиненных, которые преследовали его, — Я буду очень занят, если начну навещать вас сегодня вечером, - продолжил он.

Его слова о том, что он хочет стать злым духом, который будет навещать ее, не были метафорой или ложью, чтобы облегчить чью-то вину. Он искренне говорил об этом. Прошло меньше минуты с момента их расставания, но он уже скучал по ней.

Несмотря на то, что это была драка, в узком переулке могли драться только два человека одновременно. Другого пути у них не было, поскольку А блокировал переулок - единственный короткий путь к главной дороге. Поэтому у них не было другого выбора, кроме как пройти мимо него. Кровь, текущая из нижней части живота, окрасила верхнюю часть тела А в красный цвет, а его движения стали намного медленнее по сравнению с их первой схваткой. Тем не менее, он все еще ярко улыбался.

Он схватил руку человека, который наносил ему удар сбоку, и вывернул ее, после чего ударил другого человека ногой в живот и отбросил первого человека назад в группу. Он взобрался на своих отступающих подчиненных, как бы падая назад, и схватил деревянную палку, которую кто-то держал в руках. С деревянной палкой вместо меча, его движения делали его похожим на воина из мира боевых искусств.

Его движения были настолько красивы, что трудно было представить, что такой человек решил стать злым духом, чтобы мучить любимую женщину. В этот момент сердце злобного человека,

прикрывающееся благородным поступком защиты любимой женщины, было не столь важно.

В какой-то момент тело А постепенно сдало и рухнуло, так как он получил больше ударов, чем нанес. Оставшиеся четыре человека прошли мимо А, который упал на колени и медленно заваливался набок. Прикоснувшись лицом к земле, А мог видеть подчиненных, которые были уже мертвы или потеряли сознание, но это не вызывало у него никакого волнения.

Несмотря на то, что они были его подчиненными и коллегами, их отношения позволяли им в любой момент ударить друг друга в спину. Он знал, что когда-нибудь умрет на улице, поэтому его смерть не вызвала особых эмоций. Она не была печальной или страшной; он чувствовал себя безразличным к ней, как будто ложился спать, как делал это каждую ночь. В этот момент он почувствовал беспокойство из-за лица одного человека.

— Ты... хотя бы знаешь мое имя...? — пробормотал он.

Конечно, она не знала. Он никогда не говорил ей. Так он взвалил на нее еще одно бремя. Добродушную женщину все больше мучило чувство вины, которое она испытывала снова и снова. Желая ей провести всю свою жизнь в таком отчаянии, А мирно умер, пока его глаза оставались широко открытыми.

Пока У Джин ждал сигнала отбоя, ему казалось, что он уже давно мертв. Он не шевелил пальцами и даже перестал думать о чем-либо; было похоже, что он действительно умер. Поэтому даже после того, как режиссер наконец дал сигнал к отбою, У Джин все еще не мог вырваться из лап смерти А.

— А, тебе еще не время умирать! — закричал режиссер Муна.

Как будто его ударило молнией, услышав крик режиссера Муна, У Джин вздрогнул и встал. Только тогда он начал различать очертания людей в своем размытом зрении. С одной стороны были люди, которые сопели и плакали, а другие с открытыми ртами смотрели в пустоту, словно одержимые.

Съемочная площадка была окутана тихой и мрачной атмосферой, и только у режиссера Муна блестели глаза.

— Ты ведь знаешь, что осталось еще несколько сцен на открытом воздухе?" - спросил он.

—Ах, да! — ответил У Джин.

Оставалась сцена, где они ищут А Ра до того, как ее поймали ростовщики, а также сцена, где ее поймали, но намеренно отпустили. Эти сцены должны были сниматься на открытом воздухе,

поэтому режиссер планировал снять их все сразу завтра. Вернее, сегодня.

— Поэтому сейчас ты должен отстраниться от смерти А и превратиться в хладнокровного А, который снова будет преследовать А Ра. Сейчас три часа ночи, так что поспи несколько часов. Джин Хва, иди сюда и позаботься о коже нашего дорогого У Джина. Через несколько часов мы будем сниматься на солнце, поэтому его кожа должна быть мягкой и гладкой!.

Услышав, что режиссер Мун впервые назвал его по имени в такой дружеской манере, У Джин на мгновение опешил.

Тем временем визажист подошел к У Джину и, отведя его в сторону, сказал:

— Пожалуйста, не волнуйтесь, режиссер Мун! Я превращу эту изможденную кожу в кожу новорожденного ребенка.

Кровь и синяки, покрывавшие усталое лицо У Джина, были тут же начисто стерты профессионалом.

— Сегодня наконец-то вышел главный момент фильма.

Кинематографист снова посмотрел на только что снятую сцену и широко улыбнулся, чувствуя удовлетворение. Прошло уже много времени с тех пор, как сцена, которая изначально была выбрана в качестве главной, превратилась в скучную и неинтересную из-за Пак Мина. Казалось, только вчера он плакал из-за того, что не смог использовать ее даже в трейлере... И вот, наконец, настал сегодняшний день.

— Наш фильм перестал быть фильмом, состоящий из трейлеров! - воскликнул кинематографист. Фильм "Холм смерти", который он когда-то считал провальным, заклеянным позором и отраженным в его фильмографии, постепенно начинал сиять.

— Когда Пак Мин сказал, что приедет? — спросил режиссер Мун.

Помощник режиссера мрачно ответил на вопрос Муна:

— Завтра утром.

— Ха...

Вчерашний и сегодняшний день казались сном - впервые за долгое время атмосфера на съемочной площадке была хорошей. Прежде всего, была сцена, которую он хотел снять еще раз. Однако сегодняшний график был слишком плотным. Если бы только у них был еще один день... всего один день.

—Режиссер! — Появился сотрудник с телефоном помощника режиссера в руке и окликнул его, прозвучав очень взволнованно.

Съемочной группе не разрешалось иметь при себе телефоны во время съемок. Однако бывали случаи, когда им поступали срочные звонки, поэтому все телефоны собирались и передавались под присмотр назначенного сотрудника. Это было связано с тем, что они должны были принимать звонки от людей из киноиндустрии и передавать их сообщения. Как раз сегодня ответственный за телефоны получил звонок от помощника режиссера. Его глаза, которые были пустыми на протяжении всего неразумного графика съемок, странно засветились.

— Все отменили, — сказал сотрудник.

— Что отменили? — спросил режиссер Мун.

— Рейс Пак Мина! Он отменен из-за тумана, но, согласно прогнозу погоды, предупреждение о тумане продлится еще не один день. Его менеджер позвонил ранее и сказал, что из-за отмены и задержки рейса он вернется в Корею на два дня позже, чем ожидалось.

—На два дня?

— Да! По крайней мере, на два дня!

Услышав слова сотрудника, лицо режиссера Муна начало странно подергиваться. Сначала он не мог понять, что говорит сотрудник, но постепенно понял, что он имеет в виду. Он внезапно встал со стула и огляделся. В углу съемочной площадки на длинном кресле лежал Чхэ У Джин, с которого сняли грим и заменили его маской.

Как только режиссер Мун обнаружил У Джина, он подбежал и схватил его за обе руки. Он закричал:

— У Джин! Давай переснимем сцену, которую мы снимали ранее!.

— Что?

У Джин снял маску с лица и начал быстро моргать. Поскольку он уснул за короткий промежуток времени, на мгновение У Джин не понял, что говорит ему режиссер.

— Сцена, которая была снята месяц назад. Давайте повторим! В то время А был немного неопытным, в отличие от сейчас. Тот А - не наш А. Наш А немного развратнее, немного безумнее и наполнен немного более чистой любовью!

По правде говоря, режиссер Мун весь день был подавлен из-за этого. Чем больше У Джин

играл роль нового А, тем больше он жалел о тех сценах, которые они снимали раньше, так как они бледнели по сравнению с ними. Ему даже хотелось плакать, пока он сочинял в голове новые реплики и создавал целостную картину с помощью различных структур. Каждый раз, когда наступал перерыв, он сокрушался о том, что у него есть идеальный актер и сценарий, и спрашивал себя, почему он не может снять это. Однако он не знал, что небеса действительно существуют, и не знал, что его желание будет исполнено вот так.

— Эм... режиссер? — спросил У Джин.

— Я добавлю еще одну сцену поцелуя. Это будет идеальная пересъемка влюбленного на грани безумия! — воскликнул режиссер Мун.

— Я...

— А Ра обязательно согласится на это, так что не волнуйся!

— Я беспокоился не об этом.

— Наши сотрудники прекрасно подготовились, так что тебе просто нужно встать перед камерой!

У Джин неловко улыбнулся, глядя на режиссера Муна, который не говорил с ним столько слов с момента их первой встречи.

— Что случилось? Ты хочешь что-то сказать? — спросил режиссер Мун.

— Насчет того...

— Если тебе есть что сказать, просто будь со мной откровенен.

Пока режиссер Мун крепко держал У Джина за руки и улыбался, как бы говоря, что он очень великодушен, У Джин смело сказал:

— Завтра после обеда я должен кое-кого учить.

— ...

В тот момент, когда все услышали яркий голос У Джина, в зале воцарилась полная тишина. Они уставились на него. Взгляд их глаз был близок к негодованию.

Не выдержав отчаянного взгляда перед собой, У Джин тихо вздохнул и дал им успокоиться.

— Я думал... сказать им, что не смогу прийти на этой неделе.

Наконец, на них снизошло спокойствие.

<http://tl.rulate.ru/book/60946/2704739>